

УДК 343.9.01

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Я.И. Гилинский,

профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, профессор Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

1. Как особенности современного общества постмодерна влияют на преступность

С конца минувшего XX столетия человечество живет в совершенно новом мире, мире постмодерна или постклассическом, постсовременном, постиндустриальном мире – кому как больше нравится его называть. Это плохо осознается большинством населения нашего единого, но фрагментарного мира. Хуже (и опаснее) того, – это не понимается многими властями (и не только российскими).

У нас есть неограниченные возможности (за несколько часов переместиться в любую точку планеты; поговорить посредством скайпа с приятелем, находящимся в Австралии или Японии; немедленно отреагировать на любую новость, высказавшись в сетях интернета) и неограниченные риски, вплоть до тотального самоуничтожения – *омницида*... «Мы, в сущности, живем в апокалиптическое время... экологический кризис, биогенетическая редукция людей к манипулируемым машинам, полный цифровой контроль над нашей жизнью».¹ Уже можно ездить и летать на транспорте без водителя, дома изготовить пистолет с помощью 3D, приобрести робота-горничную или робота-любовницу... Привычные «истины» и «смыслы» теряют свои основания. *Неопределенность* – постоянное состояние нашего бытия. *Общество постмодерна есть общество возможностей и рисков* (У. Бек).

В основе перехода от общества модерна к обществу постмодерна, как каждой социальной трансформации, лежит *технологическая революция*. На этот раз ее принципиальная особенность состоит в том, что она впервые в истории человечества связана с построением «параллельного» реальному – виртуального мира, киберпространства. Что не исключает революционных технологических прорывов и в реальном мире.

¹ Жижек, С. Размышления в красном цвете / С. Жижек. – М. : Европа, 2011. – С. 289.

Как одно из важнейших следствий технологической революции – *глобализация всего и вся* – финансовых, транспортных, миграционных, технологических потоков. Соответственно осуществляется глобализация преступности (особенно организованной – торговля наркотиками, оружием, людьми, человеческими органами) и иных проявлений девиантности (наркотизм, проституция и др.). Глобализация экономики сопровождается интернациональным характером *экономических* преступлений. *Коррупция* нередко носит также межгосударственный характер. Глобальным является бич эпохи постмодерна – *терроризм*. Одновременно формируется (очень медленно!) глобальное сознание, миропонимание. Политика изоляционизма авторитарного (тоталитарного) государства в условиях глобализации есть та ошибка, которая хуже преступления. Глобализация может нравиться или не нравиться, но это *факт*, с которым губительно не считаться.

Как результат глобализации – *массовая миграция* и неизбежность «конфликта культур» (Т. Селлин) и цивилизаций со всеми криминогенными последствиями, включая «преступления ненависти» (*hate crimes*). Современная ситуация с сотнями тысяч беженцев в страны Европы тому лишнее доказательство.² Да и в России существует неприятие «понаехавших» из других стран.

«*Виртуализация*» жизнедеятельности. Мы шизофренически живем в реальном и киберпространстве. Без интернета, мобильных, смартфонов и прочих *IT* не мыслится существование. Как одно из следствий этого – киберпреступность и кибердевиантность.³ Интернет предоставляет невиданные ранее возможности. Но он коварен, он затягивает вплоть до интернет-зависимости, как заболевания.⁴

Растет *социально-экономическое неравенство*, а с ним – криминальное и/или ретретистское девиантное поведение.⁵ Все человечество разделено на постоянно уменьшающееся меньшинство «включенных» (*included*) в актив-

² Нортон Б. Справочник по острейшему со времён Второй мировой войны кризису беженцев / Б. Нортон. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_3669.html. – Дата доступа: 16.10.2017.

³ Humphrey, J. Deviant Behavior / J. Humphrey. – NJ : Prentice Hall, 2006. – Ch.13 : Cyberdeviance. – P. 272–295.

⁴ Интернет-зависимость. – Режим доступа: <http://constructorus.ru/zdorovie/internet-zavisimost.html>. – Дата доступа: 30.09.2016.

⁵ О криминогенной роли социально-экономического неравенства см. подробнее: Гишинский, Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я Гишинский. – 4-е изд. – СПб. : Алеф-Пресс, 2018; он же. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии // Российский ежегодник уголовного права. – 2007. – № 2.

ную экономическую, политическую, культурную жизнь и постоянно увеличивающееся большинство «исключенных» (*excluded*) из нее. Известно, что в 2016 г. 52% всех мировых богатств принадлежало 1% населения.⁶ Это катастрофическое неравенство неравномерно распределено по странам. Так, 1% населения России владеет 74% всех богатств страны (первое место в мире по экономическому неравенству, на втором месте Индия). Между тем, экономическое неравенство является одним из главных криминогенных факторов, а «исключенные» – основная социальная база преступности, алкоголизации, наркопотребления, проституции, самоубийств, и – жертв преступлений. Как один из многочисленных показателей – увеличение доли таких «исключенных» как «лица без постоянного источника доходов», среди всех осужденных в России с 11,8% в 1987 г. до 65,7% в 2016 г. А доля таких лиц среди убийц возросла за тот же период с 15,3% до 74,7%.⁷

Миропорядок в значительной мере зависит от степени *респонсивности* общества (А. Etzioni), т.е. способности удовлетворять потребности населения. От степени респонсивности общества, от степени обеспечения вертикальной мобильности, от сокращения степени экономического неравенства существенно зависят и тенденции преступности. Свободный, обогащенный знаниями и умениями, не ограниченный в своих начинаниях мелочными запретами и «исключенностью» из активной экономической, политической, культурной жизни, индивид если и будет «отклоняться» от господствующих норм, то скорее в позитивную сторону – техническое, научное, художественное творчество.⁸

Государство, созданное с благими намерениями (защита подданных и граждан, обеспечение общих интересов и т.п.), в действительности служит репрессивным орудием в руках господствующего класса, группы, хунты. Разочарование в демократии толкает население даже образцово демократических государств то вправо, то влево. Тем более, в странах с авторитарным / тоталитарным режимом. Отсюда «Арабская весна», «цветные революции», «Occupy Wall-Street!», «Майдан». Протестная реакция населения по отношению к вершителям власти известна во все времена и у всех народов. Для общества постмодерна характерны, помимо прочих, две «противоположные»

⁶ См. подробнее: Мануков, С. Неравенство в доходах вышло из-под контроля / С. Мануков. – Режим доступа: <http://expert.ru/2015/10/14/polovina-mirovogo-bogatstva-v-rukah-odnogo-protsentna-naseleniya-planety/>. – Дата доступа: 14.10.2017.

⁷ Преступность и правонарушения : стат. сборник. – М. : Финансы и статистика, 1992. – С. 22, 45; Преступность и правонарушения : стат. сборник. – М. : МВД РФ, 2017. – С. 20, 63.

⁸ См.: Творчество как позитивная девиантность / ред. Я. Гилинский, Н. Исаев. – СПб. : Алеф-Пресс, 2014.

формы протеста: *терроризм* и «*перформансы*». Если терроризм – крайнее, чрезвычайно опасное и преступное выражение протеста,⁹ то различного рода перформансы, флешмобы – интеллектуально-художественная протестная реакция. «Разве не постмодернистская политика сопротивления пропиталась эстетическими феноменами – от пирсинга и трансвестизма до публичных спектаклей? Не символизирует ли курьезный феномен "флешмоба" в чистейшем виде эстетико-политический протест, сведенный к его минимальным рамкам?»¹⁰ Современные российские примеры: действия Pussy Riot, группы «Война», акции художника Петра Павленского. И очень жаль, что эти протестные действия в «минимальных рамках» влекут реакцию государства в «максимальных рамках» (осуждение участниц Pussy Riot к реальному лишению свободы при отсутствии в их действиях состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, уголовное преследование П. Павленского и др.).

Фрагментаризация общества постмодерна, сопутствующая процессам глобализации, а также взаимопроникновение культур приводят к размыванию границ между «нормой» и «не-нормой». Одна из характерных особенностей постмодерна – стирание границ между дозволенным / недозволенным, нормальным / девиантным, разрешенным / запрещенным. Проституция – девиантность или бизнес, трудовая деятельность? Наркопотребление – девиантность или, наряду с алкоголем, удовлетворение потребности снять напряжение, утолить боль? Где грань между «pornoграфией» и литературой (Дж. Джойс, Г. Миллер), искусством, Modern Art? Модернистская ориентация на прошлое в обществе постмодерна сменяется ориентацией на будущее. А оно достаточно неопределенно. Сколько групп единомышленников («фрагментов»), столько и моральных императивов, столько и оценок деяний, как «нормальных» или «девиантных». Если в предшествующие эпохи «люди одного поколения жили в *одном* историческом времени и, соответственно, по *одним* моральным нормам», то «для сложного социума характерен эффект *временного дисхроноза*: в одном социальном пространстве сосуществуют люди, фактически живущие в разных *темпомирах*: моральные представления одних групп могут относиться к одному социальному времени, а других к другому».¹¹ Поэтому есть мораль журналистов «Charlie Hebdo» и мораль их убийц; мораль создателей и сторонников современного искусства и мораль

⁹ Позицию автора см.: Гишинский, Я.И. Криминология / Я.И. Гишинский. – 2018; Gilinskiy, Y. Modern Terrorism: Who is to Blame and What can be done? In: Gilly T., Gilinskiy Y., Sergevnin V. (Eds.) The Ethics of Terrorism. – Springfield Ill.: Charles C Thomas Publisher, Ltd, 2009. – P. 168–173.

¹⁰ Жижек, С. Размышления в красном цвете / С. Жижек. – С. 285.

¹¹ Кравченко, С.А. Сложное общество: необходимость переоткрытия морали / С.А. Кравченко // Проблемы теоретической социологии. – Вып. 8. – СПб. : Скифия-Принт, 2011. – С. 79–80.

«истинных православных», атакующих в России современные выставки, спектакли, концерты; есть мораль толерантная и интолерантная; мораль космополитическая (интернационалистская), отвечающая запросам современного мира и мораль «ура-патриотов»; есть мораль современного мира постмодерна, когда свобода – высшая ценность, и есть мораль некоторых депутатов российской Государственной Думы, пытающихся запретить все, что им кажется «неприличным».

Консьюмеризация сознания и жизнедеятельности.¹² «Общество потребления» характеризуется криминальными (преступления против собственности, должностные и экономические преступления) и некриминальными, но негативными способами обогащения – от проституции до «теневой экономики».

Непривычные для людей процессы глобализации, виртуализации, массовой миграции, фрагментаризации, всеобщей консьюмеризации, «ускорения времени» («мы брошены во время, в котором все временно. Новые технологии меняют наши жизни каждый день»¹³) неизбежно приводят к *массовому изменению психики*, психологической растерянности, непониманию мира постмодерна и неумению в нем осваиваться. Ф. Джеймисон, один из теоретиков постмодерна, пишет: «Психическая жизнь становится хаотичной и судорожной, подверженной внезапным перепадам настроения, несколько напоминающим шизофреническую расщепленность».¹⁴ Психологический кризис сопровождается вспышками немотивированной агрессии, взаимной ненависти, «преступлениями ненависти» (*hate crimes*), актами внешне необоснованного уничтожения десятков и сотен людей ценой собственной жизни (второй пилот аэробуса А-320 Андреас Лубитц) или длительного тюремного заключения («норвежский стрелок» Андерс Брейвик).

2. Основные тенденции преступности в современной России

Начиная обзор состояния преступности и основных тенденций ее изменений, необходимо напомнить, что мы можем судить только о зарегистрированной ее части, а потому любые наши суждения будут носить относительный, ориентировочный характер. С другой стороны, нельзя совсем пренебречь имеющимися данными уголовной статистики и, по возможности, результатами исследований, ибо они составляют необходимую эмпи-

¹² Девиантность в обществе потребления / ред. Я. Гишинский, Т. Шипунова. – СПб. : Алеф-Пресс, 2012; Ильин, В.И. Потребление как дискурс / В.И. Ильин. – СПб ГУ, 2008.

¹³ Gray, J. Straw Dogs / J. Gray. – NY. : Farrar, Strauss & Giroux, 2007. – P. 110.

¹⁴ Цит. по: Андерсон, П. Истоки постмодерна / П. Андерсон. – М. : Территория будущего, 2011. – С. 76.

рическую базу для теоретических рассуждений. Кроме того, даже относительно неполные данные, проанализированные за ряд лет, позволяют выявить тенденции преступности.

Хорошо известно, что после Второй мировой войны основной общемировой тенденцией являлся *абсолютный и относительный* (в расчете на 100 тыс. населения) *рост* регистрируемой преступности. Этот вывод основывается на анализе обзоров ООН, предпринятый В.В. Лунеевым (табл. 1).¹⁵ Аналогичные сведения публикуют и иные источники.¹⁶

Наблюдался *устойчивый рост* зарегистрированной преступности при значительно *более высоком уровне преступности в развитых странах* по сравнению с развивающимися.

Аналогичный тренд наблюдался до 2006 г. и в России (табл. 2). Однако с конца 1990-х – начала 2000-х годов происходит *сокращение* количества и уровня (на 100 тыс. населения) преступлений *во всем мире* – во всех странах Европы, Азии, Африки, Австралии, Северной и Южной Америки (исключение – ряд стран Центральной Америки)¹⁷. Наиболее ярко это проявляется в динамике уровня убийств – как наиболее опасного и наименее латентного преступления (табл. 3).¹⁸

Таблица 1. – Усредненные и оценочные данные о преступности в мире

Номера обзоров и годы	Число стран, приславших ответы	Уровень преступности (на 100 тыс. населения)		
		Развитые страны	Развивающиеся страны	Всего
Первый, 1975	64	4200	800	1600
Второй, 1980	70	5200	1000	3200
Третий, 1985	78	6800	1300	4100
Четвертый, 1990	95	8000	–	5500
Прогноз, 1995	100	Свыше 8000	Свыше 1500	Свыше 7000

¹⁵Лунеев, В.В. Курс мировой и российской криминологии. Общая часть / В.В. Лунеев. – М., 2011. – Т. 1. – С. 331.

¹⁶ Aronson K., Heiskanen M. (Eds.) Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995 – 2004. – Helsinki, 2008; Ежегодники Home Office Statistical Bulletin (London); Ежегодники Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland (Wiesbaden); и др.

¹⁷ Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. - Helsinki, 2010 (и вышеупомянутые ежегодники).

¹⁸Источник: Ежегодник World Health Statistics. Geneva; Barclay G., Tavares C. International Comparisons of criminal Justice statistics, 2001 // Home Office, 2003; UNODC: Intentional homicide (1995–2011).

Как видно из таблицы 2, такая же картина наблюдается с динамикой преступности в России после 2006 г., а по ряду преступлений – с 2001–2006 гг. (табл. 4).

Таблица 2. – Зарегистрированная преступность, число выявленных лиц и осужденных в России (1961-2016)¹⁹

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Уровень (на 100 тыс. населения)	Число выявленных лиц	Число осужденных
1961	534 866	446,5	–	–
1962	539 302	446,1	–	–
1963	485 656	397,7	–	–
1964	483 229	392,2	–	–
1965	483 550	388,7	–	–
1966	582 965	464,5	596 764	–
1967	572 884	452,5	628 463	–
1968	618 014	483,6	626 129	–
1969	641 385	497,6	659 607	–
1970	693 552	533,1	700 685	554 589
1971	702 358	536,6	652 763	574 350
1972	706 294	536,3	698 964	575 056
1973	695 647	524,6	682 399	538 156
1974	760 943	570,4	718 161	579 642
1975	809 819	603,4	753 005	581 035
1976	834 998	618,0	770 473	599 652
1977	824 243	606,5	746 354	525 984
1978	889 599	650,7	782 099	557 564
1979	970 514	705,8	818 746	590 538
1980	1 028 284	742,2	880 908	645 544
1981	1 087 908	779,7	919 001	682 506
1982	1 128 558	803,1	988 946	747 865
1983	1 398 239	988,1	1 077 802	809 147
1984	1 402 694	984,4	1 123 351	863 194
1985	1 416 935	987,5	1 154 496	837 310
1986	1 338 424	929,9	1 128 439	797 286
1987	1 185 914	816,9	969 388	580 074
1988	1 220 861	833,9	834 673	427 039
1989	1 619 181	1098,5	847 577	436 988
1990	1 839 451	1242,5	897 299	537 643
1991	2 173 074	1463,2	956 258	593 823
1992	2 760 652	1856,5	1 148 962	661 392

¹⁹ Здесь и далее данные по РФ: Преступность и правонарушения. Статистический сборник. Ежегодники - М.: МВД РФ, МЮ РФ; Состояние преступности в России. Ежегодники - М.: МВД РФ; Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ // URL:http://crimestat.ru/offenses_map

Окончание таблицы 2.

1	2	3	4	5
1993	2 799 614	1887,8	1 262 737	792 410
1994	2 632 708	1778,9	1 441 568	924 754
1995	2 755 669	1862,7	1 595 501	1 035 807
1996	2 625 081	1778,4	1 618 394	1 111 097
1997	2 397 311	1629,3	1 372 161	1 013 431
1998	2 581 940	1759,5	1 481 503	1 071 051
1999	3 001 748	2026,0	1 716 679	1 223 255
2000	2 952 367	2028,3	1 741 439	1 183 631
2001	2 968 255	2039,2	1 644 242	1 244 211
2002	2 526 305	1754,9	1 257 700	859 318
2003	2 756 398	1926,2	1 236 733	773 920
2004	2 893 810	2007,2	1 222 504	793 918
2005	3 554 738	2499,8	1 297 123	878 893
2006	3 855 373	2700,7	1 360 860	909 921
2007	3 582 541	2519,0	1 317 582	916 479
2008	3 209 862	2260,5	1 256 199	–
2009	2 994 820	2112,0	1 219 789	92 360
2010	2 628 799	1852,6	1 111 145	845071
2011	2 404 807	1682,9	1 041 300	782274
2012	2 302 168	1607,8	1 010 900	739278
2013	2 206 249	1539,6	1 012 563	735605
2014	2 190 578	1500,4	1 006 003	719297
2015	2 352 098	1608,1	1 063 034	733607
2016	2 160 063	1473,9	1 015 875	-

И перед мировой криминологией встал вопрос: чем объясняется это неожиданное общемировое сокращение объема и уровня преступности? Назовем несколько гипотез, существующих в современной криминологии.

Во-первых, преступность как сложное социальное явление развивается по своим собственным законам, не очень оглядываясь на полицию и уголовную юстицию, и, как большинство социальных процессов, – волнообразно²⁰ (напомним, что с начала 1950-х до конца 1990-х преступность росла во всем мире).

Во-вторых, бóльшую часть зарегистрированной преступности составляет «уличная преступность» (*street crime*) – преступления против жизни, здоровья, половой неприкосновенности, собственности. «Беловоротничковая преступность» (*white-collar crime*), будучи высоколатентной, занимает небольшую часть зарегистрированной преступности. А основные субъекты

²⁰ Волновые процессы в общественном развитии. – Новосибирск, 1992.

«уличной преступности» – подростки и молодежь, которые в последние десятилетия «ушли» в виртуальный мир Интернета. Там они встречаются, любят, дружат, ненавидят, стреляют (так называемые «стрелялки»), совершают мошеннические действия и т.п., удовлетворяя – осознанно или нет – *потребность в самоутверждении, самореализации.*

Обычно взрослые негативно относятся к «стрелялкам», пытаются запретить их размещение в Сети или же ограничить к ним доступ. Между тем университеты в Вилланове и Ратгерсе опубликовали результаты своих исследований связи между преступлениями и видеоиграми в США.²¹ Исследователи пришли к выводу, что во время пика продаж видеоигр количество преступлений существенно снижается. «Различные измерения использования видеоигр прямо сказываются на снижении таких преступлений, как убийства», – заявил Patrick Markey. Дело в том, что люди, которым нравятся жестокость и насилие, больше играют в видеоигры с явной демонстрацией жестокости. Таким образом, они «оздоравливаются» с помощью игр. Кроме того, подростки предпочитают больше времени проводить за игрой, снижая, таким образом, количество преступлений на улицах.

В-третьих, имеет место «переструктуризация» преступности, когда «обычную» преступность теснят малоизученные и почти не регистрируемые, высоколатентные виды преступлений эпохи постмодерна, в частности, киберпреступность. Так, по данным, представленным на XVI ежегодной конференции Европейского общества криминологов (Мюнстер, 2016), средняя раскрываемость «обычных» преступлений составляла 42-46%, а киберпреступлений – 5%... Переструктуризация, обусловленная особенностями постмодерна как общества потребления, возможна и среди «обычных» преступлений. Так, в России сокращающийся с 2006 г. уровень таких преступлений против собственности как кражи, грабежи, разбой, «компенсируется» ростом мошенничества: с 13,4 в 1991 г. до 142,6 в 2016 г. (86,6 в 2004 г.). Это не удивительно: легальные средства обогащения для подростков и молодежи ограничены. А из нелегальных (кража, грабеж, разбой) мошенничество наиболее интеллектуально, «выгодно» и безопасно... Известно два основных *способа* мошенничества: обман и злоупотребление доверием. А вот количество *видов* мошенничества постоянно растет, особенно в эпоху Интернета.

В-четвертых, как считают участники одной из сессий («The Crime Drop») XII конференции Европейского общества криминологов (Бильбао,

²¹ Как игры влияют на преступность. – Режим доступа: <http://hronika.info/igry/33627-kak-igry-vliyayut-na-prestupnost.html>. – Дата доступа: 27.11.2017.

2012), причиной снижения уровня преступности может быть повышенная «секьюритизация», как результат массового использования современных технических средств безопасности (видеокамеры, охранная сигнализация и т.п.).

Дискуссия о современных тенденциях глобальной преступности не закончена и ждет новых гипотез и их подтверждений или опровержений.

Как будут изменяться уровень и структура преступности в дальнейшем? Сегодня вряд ли можно дать более или менее обоснованный прогноз. *Неопределенность* всех социальных процессов в обществе постмодерна, неизбежная *переструктуризация* видов преступности, появление *новых деяний*, связанных с развитием новейших технологий, неопределенность политического развития стран, их режимов, от которых в первую очередь зависит конструирование преступности – все это делает непредсказуемым ее дальнейшие тренды.

Снижение уровня преступности в России не исключает ряда неблагоприятных тенденций.

Таблица 3. – Уровень на (100 тыс. населения) смертности от убийств в некоторых государствах (1984–1997)

	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Австралия	-	-	-	1,9	2,4	1,8	2,2	2,5	1,6	1,8	1,8	1,8	1,7	1,7
Австрия	-	-	-	1,3	1,2	1,1	1,6	-	1,5	1,3	-	1,0	1,2	0,8
Аргентина	4,5	4,9		5,4	-	-	5,0	4,3	4,6	4,4	-	7,8	8,5	9,1
Венгрия	-	-	-	2,5	2,7	2,9	3,1	-	4,0	4,5	3,5	2,9	2,6	2,8
Германия	-	-	-	1,1	1,1	1,0	-	1,1	1,2	1,2	1,2	1,7	1,7	1,5
Дания	-	-	1,2	1,0	1,1	1,2	1,0	-	1,3	1,2	1,3	1,1	1,3	1,7
Израиль	-	-	1,8	1,3	1,3	-	1,7	1,2	1,4	2,3	2,7	2,1	2,1	2,8
Испания	0,9	1,0	1,0	1,2	-	-	0,9	0,9	1,2	0,9	0,9	1,0	1,0	1,2
Италия	1,6	1,5	1,3	1,6	1,9	-	2,6	2,8	2,2	1,7		1,8	1,7	1,5
Канада	-	-	2,0	2,2	-	2,1	-	2,3	2,1	1,8	1,7	1,8	1,9	1,8
Колумбия	33,3	-	-	-	-	-	-	89,5	88,5	88,5	78,7	69,7	71,8	67,2
Мексика	-	18,6	19,4	-	-	-	-	17,5	18,8	17,8	17,7	16,9	15,5	14,2
Нидерланды	-	-	1,0	0,9	0,9	0,9	-	1,2	1,3	1,2	1,1	1,9	1,4	1,3
Норвегия	-	-	1,5	1,4	1,1	1,3	-	1,5	1,1	0,9	0,8	1,0	1,0	0,9
Польша	-	-	1,7	-	1,7	2,1	2,9	-	2,9	2,7	2,9	2,2	2,3	2,1
Россия	-	8,5	6,6	6,3	7,2	9,2	10,5	10,9	15,5	19,6	21,8	21,4	19,9	19,9
США	8,2	8,9	8,5	8,9		9,9	10,4	9,8	9,9	9,1	9,1	8,1	7,3	6,7
Финляндия	-	-		3,1	2,8	3,2	-	-	3,4	3,3	3,2	2,9	3,0	2,7
Франция	-		1,2	1,1	1,0	1,1	-	1,1	1,0	1,1	1,1	2,3	2,0	1,7

Окончание таблицы 3

Швейцария	-	-		1,2	1,2	1,3	1,5	-	1,5	1,5	1,3	1,2	1,2	1,2
Швеция	-	-	1,4	1,2	1,4	-	1,3	1,4	1,3	1,3	1,2	0,9	1,1	1,0
Южная Африка	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	64,9	60,4	57,1
Япония	-	-	-	0,7	0,7	0,6	0,6	-	0,6	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5
Австралия	1,5	1,8	1,6	1,6	1,6	1,4	1,3	1,3	1,4	1,2	1,2	1,2	1,1	1,1
Австрия	1,0	0,8	1,0	0,9	0,8	0,6	0,7	0,7	0,7	0,5	0,5	0,5	0,8	0,9
Аргентина	7,2	7,3	7,2	8,2	9,2	7,6	5,9	5,5	5,3	5,3	5,8	5,5	5,5	5,5
Венгрия	2,8	2,5	2,0	2,5	2,0	2,3	2,1	1,6	1,7	1,5	1,5	1,4	1,4	1,3
Германия	1,2	1,2	1,2	1,1	1,2	1,0	1,1	1,1	1,0	0,9	0,9	0,9	0,8	0,8
Дания	0,9	1,0	1,1	1,0	1,0	1,2	0,8	1,0	0,5	0,7	1,0	0,9	0,8	0,8
Израиль	2,5	2,3	2,4	3,6	3,6	3,1	2,7	2,5	2,7	1,8	1,9	1,8	2,0	1,8
Испания	1,3	1,2	1,4	1,4	1,4	1,4	1,2	1,2	1,1	1,1	0,9	0,9	0,8	0,8
Италия	1,5	1,4	1,3	1,2	1,1	1,2	1,2	1,0	1,1	1,1	1,0	1,0	0,9	0,9
Канада	1,7	1,6	1,6	1,8	1,7	1,7	1,7	1,8	1,7	1,6	1,7	1,6	1,5	1,6
Колумбия	60,1	62,3	66,7	68,9	70,2	56,4	47,7	42,1	40,0	38,8	35,9	34,6	33,2	30,8
Мексика	14,1	12,4	10,7	10,2	9,8	9,7	8,9	9,3	9,7	8,1	12,7	14,7	23,7	21,5
Нидерланды	1,1	1,3	1,1	1,3	1,2	1,3	1,2	1,1	0,8	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9
Норвегия	0,9	0,8	1,1	0,8	1,0	1,1	0,8	0,7	0,7	0,6	0,7	0,6	2,3	2,2
Польша	4,9	4,7	5,7	2,0	1,9	1,7	1,7	1,5	1,3	1,4	1,2	1,3	1,2	1,2
Россия	20,1	21,3	21,9	23,1	22,5	22,1	21,9	21,5	19,2	15,6	14,5	12,6	10,2	9,2
США	6,2	5,6	5,5	5,6	5,6	5,7	5,5	5,6	5,8	5,7	5,4	5,0	4,7	4,7
Финляндия	2,2	2,8	2,9	3,0	2,5	2,0	2,8	2,3	2,3	2,4	2,5	2,3	2,2	1,6
Франция	1,6	1,6	1,8	1,8	1,9	1,6	1,6	1,6	1,4	1,3	1,4	1,1	1,2	1,0
Швейцария	1,1	1,2	1,0	1,2	1,2	1,0	1,1	1,0	0,8	0,7	0,7	0,7	0,6	0,6
Швеция	1,5	1,5	1,6	0,9	1,1	0,9	1,2	0,9	1,0	1,2	1,0	0,9	1,0	0,7
Южная Африка	57,7	51,2	48,6	47,2	46,8	42,5	39,8	38,8	39,7	37,9	36,8	33,8	30,9	31,0
Япония	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5	0,4	0,3	0,3

Таблица 4. – Динамика некоторых преступлений в России (1985–2016)

Годы	Умышленные убийства (с покушениями)		Причинение тяжкого вреда здоровью		Грабежи		Разбойные нападения		Кражи	
	Абсолютное количество	Уровень	Абсолютное количество	Уровень	Абсолютное количество	Уровень	Абсолютное количество	Уровень	Абсолютное количество	Уровень
1985	12 160	8,5	28 381	19,9	42 794	29,9	8 264	5,8	464 141	324,7
1986	9 437	6,6	21 185	14,7	31 441	21,8	6 018	4,2	380 582	264,4
1987	9 199	6,3	20 100	13,9	30 441	21,0	5 656	3,9	364 510	251,1
1988	10 572	7,2	26 639	18,2	43 822	29,9	8 118	5,5	478 913	327,2

Окончание таблицы 4

1989	13 543	9,2	36 872	25,0	75 220	51,0	14 551	9,9	754 824	512,1
1990	15 566	10,5	40 962	27,7	83 306	56,3	16 514	11,2	913 076	616,8
1991	16 122	10,9	41 195	27,8	101 956	68,8	18 311	12,4	1 240 636	237,3
1992	23 006	15,5	53 873	36,2	164 895	110,9	30 407	20,4	1 650 852	1110,2
1993	29 213	19,6	66 902	45,1	184 410	124,3	40 180	27,0	1 579 600	1065,2
1994	32 286	21,8	67 706	45,7	148 546	100,4	37 904	25,6	1 314 788	888,4
1995	31 703	21,4	61 734	41,6	140 597	95,0	37 651	25,5	1 367 866	924,6
1996	29 406	19,9	53 417	36,2	121 356	82,2	34 584	23,4	1 207 478	818,0
1997	28 285	19,9	46 131	31,4	112 051	76,2	34 318	23,3	969 800	716,3
1998	29 551	20,1	45 170	30,8	122 366	83,4	38 513	26,2	1 143 364	779,2
1999	31 140	21,3	47 669	32,6	138 973	95,0	41 138	28,1	1 413 810	966,2
2000	31 829	21,9	49 784	34,2	132 243	91,0	39 437	27,1	1 310 079	900,0
2001	33 583	23,1	55 739	38,4	148 814	102,5	44 806	30,9	1 273 198	879,2
2002	32 285	22,5	58 469	40,7	167 267	116,5	47 052	32,8	926 815	645,8
2003	31 630	22,1	57 087	39,9	198 036	138,3	48 673	33,9	1 150 772	803,6
2004	31 553	22,1	57 352	40,1	251 433	175,7	55 448	38,7	1 276 880	892,3
2005	30 849	21,7	57 863	40,3	344 440	242,2	63 671	44,8	1 572 996	1106,2
2006	27 462	19,2	51 429	35,0	357 302	250,3	59 763	41,9	1 676 983	1174,7
2007	22 227	15,6	47 348	33,3	295 071	207,5	45 318	31,9	1 566 970	1101,8
2008	29 556	14,5	45 436	31,9	243 957	171,8	35 366	24,9	1 326 342	934,0
2009	17 861	12,6	43 112	30,4	205 379	144,8	30 085	21,2	1 188 574	838,2
2010	15 563	10,8	39 745	28,0	164 547	115,9	24 537	17,3	1 108 369	781,1
2011	14 305	10,2	38 512	26,9	122 772	85,9	20 080	14,1	1 038 566	727,3
2012	13 265	9,3	37 091	25,9	110100	76,9	18622	13,0	999200	698,0
2013	12 361	8,6	34 786	24,2	92 069	64,1	16 416	11,4	922562	642,5
2014	11 933	8,2	32 899	22,5	77725	53,2	14 340	9,8	908 901	622,5
2015	11 325	7,8	29 892	20,4	71100	49,7	13 400	9,3	996 500	696,3
2016	10444	7,1	27442	18,7	61524	42,0	11416	7,8	871084	594,4

Значительную угрозу представляет *организованная преступность*. По мере развития общества возрастает степень организованности его элемен-

тов: экономики, политики, образования и др. Не удивительно, что одновременно растет организованность преступности, точнее ее «организованной» части – деятельности криминальных организаций.

Если учесть, что идеальных определений не бывает, можно принять понимание организованной преступности как «*функционирование устойчивых, управляемых сообществ преступников, занимающихся преступлениями как бизнесом и создающих систему защиты от социального контроля с помощью коррупции*». Это определение было зафиксировано в документах Международной конференции ООН по проблемам организованной преступности в 1991 г. в Суздале (Россия).

Организованная преступность выступает, прежде всего, как нелегальное *предпринимательство, бизнес, индустрия*, производство и распределение товаров и/или услуг. Ее главной *целью* является экономическая выгода, *прибыль*.

Криминальный бизнес возникает и развивается при наличии ряда условий: спрос на нелегальные товары (наркотики, оружие и др.) и услуги (сексуальные и др.); неудовлетворенный спрос на легальные товары и услуги (например, «дефицит», присущий социалистической экономике); рынок труда, безработица, незанятость подростков и молодежи; пороки экономической политики государства, а также коррупция, препятствующие развитию легальной экономики.

Условно историю современной отечественной организованной преступности можно разделить на четыре этапа: конец 1970-х - конец 1980-х годов – *становление* организованной преступности; конец 1980-х - конец 1990-х годов – *активизация* деятельности преступных организаций; конец 1990-х – середина 2000-х годов – дальнейшее *развитие* организованной преступности, включение в мировые криминальные сети, вхождение в легальный бизнес и властные структуры; с середины 2000-х годов – современный этап.

Остановимся кратко лишь на нынешнем этапе развития организованной преступности в России.

На всей территории России продолжают действовать преступные сообщества и организованные преступные группировки (ОПГ). Активизируются международные связи российских ОПГ, включение их деятельности в систему мировой нелегальной торговли наркотиками, людьми, оружием, человеческими органами.

Так называемый «Кущевский феномен», когда преступное сообщество, которое возглавлял Сергей Цапков, в течение многих лет терроризиро-

вало население станицы Куцевской (Краснодарский край) при полном попустительстве или под покровительством местных органов власти, суда, милиции, и все это стало достоянием СМИ лишь после убийства «цапками» двенадцати человек, включая трех детей, – вскрыл то, что и ранее было хорошо известно специалистам. Давно назревало в процессе развития российской организованной преступности ее стремление к *легализации* криминальной деятельности, переходу к легальной и полуполитической деятельности, к *проникновению* в легальный бизнес и во властные структуры.

«Куцевский феномен» лучше всего характеризуют публикации первых лиц государства. Бывший в то время президентом Российской Федерации Д. Медведев говорит в послании Федеральному Собранию: «Произошел целый ряд трагических событий, в результате которых погибли, были убиты наши граждане. Их причинами являются, в том числе, и расхлябанность в деятельности правоохранительных и других властных органов, зачастую их прямое сращивание с криминалом».²² Ему вторит Председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин: «С каждым днем становится все очевиднее, что сращивание власти и криминала по модели, которую сейчас называют „куцевской“, не уникально. Что то же самое (или нечто сходное) происходило и в других местах – в Новосибирске, Энгельсе, Гусь-Хрустальном, Березовске и так далее... Всем очевидно, что в этом случае наше государство превратится из криминализованного в криминальное».²³ Но даже после вскрытия «Куцевского нарыва» деятельность мафиозных структур в этом регионе не прекращена.²⁴

Коррупционированность властных структур и правоохранительных органов всех уровней облегчает деятельность преступных сообществ и их лидеров.

В стране широко распространена *коррупция*. Имеется множество ее *определений*. Возможно, наиболее краткое из них предложил Joseph Senturia: «злоупотребление публичной властью ради частной выгоды».²⁵ (Впрочем, древние латиняне говорили еще короче: «*Do, ut facias*» – «даю, чтобы сделал»). Более полное определение содержится в документах 34-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1979): «Выполнение должностным

²² Медведев, Д.А. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ / Д.А. Медведев // Российская Газета. – 2010. – 1 дек.

²³ Зорькин, В. Конституция против криминала / В. Зорькин // Российская Газета. – 2010. – 10 дек.

²⁴ Поживилко, С. Кушевсканостра. Кушевская мафия бессмертнее сицилийской / С. Поживилко. – Режим доступа: <https://versia.ru/kushhyovskaya-mafiya-bessmertnee-sicilijskoj>. – Дата доступа: 15.08.2017.

²⁵ Wewer, G. Politische Korruption. In: Politic-Lexicon. – München, Wein : Oldenborg Verlag, 1994. – S. 481.

лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения».

Существует множество *форм* коррупции: взяточничество, фаворитизм, nepoтизм, протекционизм, лоббизм, незаконное распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов, незаконная приватизация, незаконная поддержка и финансирование политических структур, вымогательство, предоставление льготных кредитов, заказов, знаменитый русский «блат» (использование личных контактов для получения доступа к общественным ресурсам – товарам, услугам, источникам дохода, привилегиям)²⁶ и др. Исчерпывающий перечень коррупционных видов деятельности невозможен. В современном обществе, включая российское, коррупция – *социальный институт, элемент системы управления*, тесно связанный с другими социальными институтами – политическими, экономическими, культурологическими.

По данным международной организации *Transparency International*, Россия входит в число наиболее коррумпированных стран мира. Индекс восприятия коррупции до 2011 г. исчислялся от 1 «максимально коррумпированное государство» до 10 «отсутствие коррупции» (что в принципе невозможно). Так, в **2002** г. с индексом **2,7** Россия входила в число таких стран, как Кот д'Ивуар, Гондурас, Индия, Танзания, Зимбабве. Минимальная коррупция была зафиксирована в Финляндии (9,7 баллов), Дании и Новой Зеландии (по 9,5 баллов), максимальная – в Бангладеш (1,2 балла). В связи с изменением системы рейтингов (от 1 до 100), Россия с 28 баллами заняла в **2012** г. 133 место, а в **2013** г. – 127 наряду с Азербайджаном, Гамбией, Ливаном, Мадагаскаром, Мали, Никарагуа, Пакистаном и Коморскими островами. Наименее коррумпированные страны в 2013 г. – Дания и Новая Зеландия (91 балл), наиболее коррумпированные – Афганистан, КНДР и Сомали (8 баллов). В **2014** г. Россия занимает 136 место (27 баллов), в **2015** г. – 119 место (29 баллов). В **2016** г. Россия заняла 134 место с 29 баллами наряду с Ираном, Казахстаном, Непалом и Украиной. Наименее коррумпированные в этом году Дания и Новая Зеландия (90 баллов) и Финляндия (89 баллов), наиболее коррумпированы – Сомали (10 баллов), Южный Судан (11 баллов) и КНДР (12 баллов). В **2017** г. Россия занимает 135 место в мире с индексом

²⁶ Леденева, А. Блат и рынок: трансформация блата в постсоветском обществе. В: Шанин Т. (ред.) Неформальная экономика: Россия и мир. – М. : Логос, 1999. – С. 111–124.

восприятия коррупции 29, наряду с Доминиканой, Кыргызией, Лаосом, Мексикой, Папуа-Новой Гвинеей²⁷. Наименее коррумпированные в 2017 году оказались Новая Зеландия – индекс 89, Дания – 88, Финляндия, Норвегия, Швеция – 85. Самые коррумпированные – Сомали, индекс 9 (180-е место), Южный Судан – 12 и Сирия – 14.

В процессе исследований, осуществляемых Центром девиантологии Социологического института РАН, наши респонденты из числа *предпринимателей* подробно рассказывали, за что приходится давать взятки: при регистрации предприятия; при получении лицензии; для получения от государственных органов помещения в аренду; при получении разрешения на эксплуатацию производственных помещений (при этом «тариф» пожарной инспекции выше, чем санитарной инспекции); при получении банковского льготного кредита; при сдаче отчета налоговой инспекции; при таможенных операциях. Их информацию подтверждают руководители соответствующих служб *правоохранительных органов*.

Высока степень *алкоголизации* населения и, соответственно, «пьяной преступности». Россия длительное время занимала первое место в мире по душевому потреблению алкоголя. По последним данным, с 2010 года идет довольно сильное снижение потребления алкоголя в стране, так что в 2016 г. по душевому потреблению алкоголя на первом месте оказались литовцы – 16 литров чистого алкоголя на душу населения, на втором месте Белоруссия – 15, на третьем Латвия – 13, а Россия вместе с Польшей на четвертом – 12.²⁸ Но эти сведения для России не вполне объективные, т.к. распространено потребление таких неучитываемых «напитков» как одеколон, политура, «Боярышник» и т.п. При этом *структура* потребления алкоголя в России неблагоприятная – водка и другие крепкие напитки, включая самогон (не говоря уже о денатурате, одеколоне и политуре). Напомним, различают три группы стран по видам предпочитаемых населением алкогольных напитков: «*винопьющие*» (Франция, Италия, Испания, Португалия и другие винодельческие страны), «*пивопьющие*» (Чехия, отчасти Германия и Канада) и «*крепкопьющие*» (Скандинавские страны, Шотландия, Россия).

Вступление человечества в эпоху постмодерна неоднозначно будет сказываться на алкопотреблении. С одной стороны, *рост возможностей* для индивидов и некоторых социальных групп реализовываться в активной

²⁷ Индекс восприятия коррупции. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info> (дата обращения: 18.07.2018).

²⁸Медведев С. Водка как национальная идея. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/28571712.html?lflags=mailer> (Дата обращения: 17.07.2017).

творческой, познавательной и высокотехнологической деятельности и активном отдыхе, включая путешествия по глобальному миру, – должен способствовать сокращению злоупотребления алкоголем. С другой стороны, общемировой *рост числа «исключенных»* из активной экономической, политической, культурной жизни не может не приводить к распространению ретретистских форм девиантности – злоупотреблению алкоголем и наркотиками, самоубийству.

3. *Некоторые проблемы социального контроля над преступностью в обществе постмодерна*

Социальный контроль – механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в обществе нормативного порядка и устранения, сокращения нормонарушающего (девиантного) поведения.

Во все времена общество и государство старались минимизировать нежелательные для общества виды поведения и их носителей. В каждой стране в этих целях создается система социального контроля над преступностью и иными проявлениями девиантности (пьянством, наркотизмом, проституцией, коррупцией и т.п.). *Но ни одно из нежелательных, негативных социальных явлений, включая преступность, не удалось «ликвидировать», преодолеть ни в одной стране.*

И это не удивительно. Ибо все сущее в обществе выполняет какие-либо социальные функции, а потому не элиминировано в процессе человеческой истории. «Все действительное разумно» (Гегель), «имеет основания», функционально. Многочисленные социальные функции преступности (инновационная, экономическая, политическая, интегративная – «еще теснее сплотиться в борьбе...») описаны в литературе, включая публикации А.М. Яковлева.¹ Кроме того, «преступность» и другие виды «девиантности» – суть социальные конструкты, которые общество само «выдумывает» и само с ними «борется». Достаточно вспомнить преследование «ведьм» в средневековой Европе, смертную казнь в средневековой Испании за курение табака, уголовную ответственность в СССР за мужеложство, а в современной России за «оскорбление чувств верующих» и т.п.

«Кризис наказания» вполне осознан в эпоху постмодерна. Его начало (1970-е – 1980-е годы) совпало с пониманием «*кризиса наказания*», неэффективности его традиционных форм и, прежде всего, лишения свободы.²

¹ Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. - М.: Наука, 1985; Яковлев А.М. Социология преступности. - М., 2001.

² Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. - Oslo-London, 1974; Rotwax H. Guilty: The Collapse of Criminal Justice. - NY: RandomHouse, 1996.

В настоящее время в большинстве цивилизованных стран осознается «кризис наказания», кризис уголовной политики и уголовной юстиции, кризис полицейского контроля.

Наказание неэффективно не только в отношении лиц, совершивших преступления. Неэффективно, вредно, а то и преступно наказывать физически детей и взрослых за «правонарушения» и аморальные поступки. Печально знаменитые российский «ремень» и казацкая плеть, «нагайка» совершенно недопустимы в современном цивилизованном мире. Мировой опыт учит, что позитивные санкции (поощрения, награды) за творческое или же конформное, законопослушное поведение намного эффективнее, но человечество привыкло к наказаниям...

Тюрьма еще никогда никого не исправляла. А вот искалечить (нравственно, психически и физически), повысить криминальную профессионализацию – да. «Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто "не видит" чем ее заменить. Она – отвратительное решение, без которого, видимо, невозможно обойтись».¹ Да, пока не обойтись. Но стремиться к этому нужно.

В этом отношении весьма креативна мысль «культуральной криминологии» о том, что не только *преступность есть порождение культуры* данного общества, но и *средства, методы социального контроля* над ней.² Поэтому есть тюрьмы Норвегии, Швеции, Финляндии и есть колонии России; отменена смертная казнь во всех европейских странах (кроме Белоруссии), но сохраняется в США, и о тысячами казнят людей в Китае и странах мусульманского мира.

То, на что нацелен уголовный закон: *сокращение преступности* путем частной и общей превенции, а также достижение «социальной справедливости» – не срабатывает.

Цели и задачи уголовного законодательства в принципе не достижимы. «Действующая в современных условиях система уголовного права... не способна реализовать декларированные цели, что во многих странах откровенно определяется как кризис уголовной юстиции».³

Осознание неэффективности традиционных средств контроля над девиантными проявлениями, включая преступность, более того – негативных

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. – М.: AdMarginem, 1999. – С. 339.

²Ferrell J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. - SAGE, 2008; Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. - Oxford University Press, 2003; Presdee M. Cultural Criminology and the Carnival of Crime. - Routledge, 2000.

³Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., переработанное и дополненное. - М., 2009. - С. 31.

последствий такого распространенного вида наказания, как лишение свободы, приводит к поискам альтернативных решений.

Во-первых, и прежде всего – повсеместный категорический отказ от смертной казни, как преступления, убийства.

Во-вторых, при полном отказе от смертной казни (а это *непременное* условие цивилизованного общества) лишение свободы становится «высшей мерой наказания», применять которую надлежит лишь в крайних случаях, в основном при совершении *насильственных* преступлений и только в отношении *взрослых* преступников.¹

Если в 1970 году в Германии безусловное лишение свободы приближалось к 28%, то в 2004-м оно составило лишь 8% (штраф – 70%). В Японии в течение 1978-1982 годов к лишению свободы приговаривались лишь 3,5% осужденных, к штрафу же – свыше 95%. Это вполне продуманная политика, ибо «в результате этого не происходит стигматизация лиц, совершивших преступные деяния, как преступников. Смягчаются сложности ресоциализации преступников после их чрезмерной изоляции от общества, и таким образом вносится значительный вклад в предупреждение рецидива».² В 2016 году средний срок лишения свободы в европейских странах составил 1,8 года.

Расширяется применение иных – альтернативных лишению свободы – мер наказания (ограничение свободы, в том числе с применением электронного слежения; общественные работы).

К сожалению, российская уголовная и пенитенциарная политика строится на устаревших репрессивных представлениях о «пользе» наказания. Достаточно сказать, что Россия и США в течение десятилетий занимают первые места по уровню заключенных (на 100 тыс. населения) среди развитых стран.

В-третьих, в странах Западной Европы, Австралии, Канаде, Японии преобладает *краткосрочное* лишение свободы. Во всяком случае – до двух-трех лет, т.е. до наступления негативных изменений психики.

В-четвертых, поскольку сохранность или же деградация личности существенно зависят от *условий* отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях, постольку в современных цивилизованных государствах поддерживается достойный уровень существования заключенных (нормальные пи-

¹ Подробнее см.: Дикаева М.С. Уголовное наказание в России и зарубежных странах. – М.: Юрлитинформ, 2017.

² Кан Уэда. Преступность и криминология в современной Японии. – М.: Прогресс, 1989.

тание, санитарно-гигиенические и «жилищные» условия, медицинское обслуживание, возможность работать, заниматься спортом, встречаться с родственниками), устанавливается режим, не унижающий их человеческое достоинство, а также существует система *пробаций* (испытаний), позволяющая строго дифференцировать условия отбывания наказания в зависимости от его срока, поведения заключенного и т. п.

«Масштабы лишений, которым подвергает людей тюрьма, существенно разнятся. Одни заключенные живут в комнатах на одного с индивидуальным умывальником и туалетом, телевизором и персональным компьютером, возможно, проходя заочно университетский курс и раз в неделю встречаясь в приватной обстановке с супругами или партнерами. Другие живут в спартанских хижинах в лагере и трудятся на тюремных фабриках, внося свой вклад в экономику страны. Третьим просто нечего делать – только изо всех сил стараться выжить в грязном, лишенном необходимых санитарных условий тюремном бараке, не имея никакой другой пищи и лекарств, кроме тех, о которых могут позаботиться их семьи».¹ Наиболее благополучное положение – в странах Западной Европы, существенно хуже – в США, самые неблагоприятные условия в пенитенциарных учреждениях ряда стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Африки. Исследованию неэффективности лишения свободы посвящен ряд исследований отечественных авторов².

В-пятых, все решительнее звучат предложения по формированию и развитию *альтернативной*, не уголовной юстиции для урегулирования отношений «преступник – жертва», по переходу от «возмездной юстиции» (*retributive justice*) к юстиции восстанавливающей (*restorative justice*). Суть этой стратегии состоит в том, чтобы с помощью незаинтересованного посредника урегулировать отношения между жертвой и преступником. Во многих случаях корыстных преступлений потерпевший больше заинтересован в реальном возмещении причиненного ущерба, нежели в том, чтобы «посадить» виновного. А лицо, совершившее это преступление, скорее будет готово возместить ущерб, чем «идти в тюрьму».

В целом речь идет о переходе от стратегии «войны с преступностью» (*War on crime*) к стратегии «сокращения вреда» (*Harm reduction*). «Уменьшить надежды на тюремное заключение и обратить больше внимание на общественное исправление» советует S. Varcan.³

¹ Стерн В. Альтернативы тюрьмам: Размышления и опыт. – Лондон-Москва, 1996. - С. 11.

² Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. – М.: ИНФРА-М, 2001; Ромашов Р., Тонков Е. Тюрьма как «Град земной». – СПб: Алетейя, 2014.

³ Barkan S. Criminology. A Sociological Understanding. - Prentice Hall. Upper Saddle River, 1997, - p. 542.

В-шестых, приоритет профилактики. Под предупреждением (профилактикой, превенцией) преступности и иных форм девиантности понимается такое воздействие общества, институтов социального контроля, отдельных граждан на криминогенные (девиантогенные) факторы, которое приводит к сокращению и/или желательному изменению структуры преступности.

Общая историческая тенденция социального контроля: (1) сокращение числа деяний, запрещаемых под страхом уголовного наказания или административных санкций; (2) либерализация средств и методов наказания; 3) приоритет превенции.

Список использованных источников:

1. Андерсон П. Истоки постмодерна. - М.: Территория будущего, 2011.
2. Волновые процессы в общественном развитии. - Новосибирск, 1992.
3. Гишинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 4-е изд. - СПб: Алеф-Пресс, 2018.
4. Гишинский Я.И. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии // Российский ежегодник уголовного права 2007, №2.
5. Девиантность в обществе потребления / ред. Я. Гишинский, Т. Шипунова. - СПб: Алеф-Пресс, 2012.
6. Дикаева М.С. Уголовное наказание в России и зарубежных странах. - М.: Юрлитинформ, 2017.
7. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., переработанное и дополненное. - М., 2009.
8. Жижек С. Размышления в красном цвете. - М.: Европа, 2011.
9. Зорькин В. Конституция против криминала // Российская Газета, 10.12.2010.
10. Ильин В.И. Потребление как дискурс. - СПб ГУ, 2008.
11. Индекс восприятия коррупции // URL: <https://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info> (дата обращения: 18.07.2018).
12. Интернет-зависимость // URL: <http://constructorus.ru/zdorovie/internet-zavisimost.html> (дата обращения: 30.09.2016).
13. Как игры влияют на преступность // URL: <http://hronika.info/igry/33627-kak-igry-vliyaют-na-prestupnost.html> (дата обращения: 27.11.2017).
14. Кан Уэда. Преступность и криминология в современной Японии. - М.: Прогресс, 1989.

15. Кравченко С.А. Сложное общество: необходимость переоткрытия морали. В: Проблемы теоретической социологии. Вып.8. - СПб: Скифия-Принт, 2011.
16. Леденева А. Блат и рынок: трансформация блата в постсоветском обществе // Шанин Т. (ред.) Неформальная экономика: Россия и мир. - М.: Логос, 1999.
17. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Общая часть. Т. 1. - М., 2011.
18. Мануков С. Неравенство в доходах вышло из-под контроля // URL: <http://expert.ru/2015/10/14/polovina-mirovogo-bogatstva-v-rukah-odnogo-protsenta-naseleniya-planetyi/> (Дата обращения: 14.10.2017).
19. Медведев Д.А. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская Газета, 01.12.2010.
20. Медведев С. Водка как национальная идея // URL: <https://www.svoboda.org/a/28571712.html?ltflags=mailer> (Дата обращения: 17.07.2017).
21. Нортон Б. Справочник по острейшему со времён Второй мировой войны кризису беженцев // URL: http://sceptis.net/library/id_3669.html (Дата обращения: 16.10.2017).
22. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. – М.: ИНФРА-М, 2001.
23. Поживилко С. Кушёвсканостра. Кущёвская мафия бессмертнее сицилийской // URL: <https://versia.ru/kushhyovskaya-mafiya-bessmertnee-sicilijskoj> (Дата обращения: 15.08.2017).
24. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ // URL: http://crimestat.ru/offenses_map
25. Преступность и правонарушения. Статистический сборник. - М.: МВД РФ, 2017.
26. Преступность и правонарушения. Статистический сборник. 1991. - М.: Финансы и статистка, 1992.
27. Ромашов Р., Тонков Е. Тюрьма как «Град земной». – СПб: Алетейя, 2014.
28. Состояние преступности в России. Ежегодники - М.: МВД РФ.
29. Стерн В. Альтернативы тюрьмам: Размышления и опыт. – Лондон-Москва, 1996.
30. Творчество как позитивная девиантность / ред. Я. Гилинский, Н. Исаев. - СПб: Алеф-Пресс, 2014.
31. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999.
32. Яковлев А.М. Социология преступности. - М., 2001.

33. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. - М.: Наука, 1985.
34. Aromaа K., Heiskanen M. (Eds.) Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995–2004. - Helsinki, 2008.
35. Barclay G., Tavares C. International comparisons of criminal Justice statistics, 2001 // Home Office, 2003.
36. Barkan S. Criminology. A Sociological Understanding. - Prentice Hall. Upper Saddle River, 1997.
37. Ferrell J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. - SAGE, 2008.
38. Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. - Oxford University Press, 2003.
39. Gilinskiy Y. Modern Terrorism: Who is to Blame and What can be done? In: Gilly T., Gilinskiy Y., Sergevnin V. (Eds.) The Ethics of Terrorism. - Springfield Ill.: Charles C Thomas Publisher, Ltd, 2009.
40. Gray J. Straw Dogs. - NY.: Farrar, Strauss & Giroux, 2007.
41. Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. - Helsinki, 2010.
42. Home Office Statistical Bulletin (London). Annual.
43. Humphrey J. Deviant Behavior. - NJ: Prentice Hall, 2006.
44. Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. - Oslo-London, 1974.
45. Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland (Wiesbaden). Jahrbuch.
46. Presdee M. Cultural Criminology and the Carnival of Crime. - Routledge, 2000.
47. Rotwax H. Guilty: The Collapse of Criminal Justice. - NY: Random House, 1996.
48. UNODC: Intentional homicide (1995–2011).
49. Wewer G. Politische Korruption. In: Politic-Lexicon. - München, Wein: Oldenborg Verlag, 1994.
50. World Health Statistics. Geneve. Annual.